

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**

Филологический факультет

II Международный научный симпозиум

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ
в современном мире**

ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Дополнения

Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова

21–24 марта 2012 года

Славянские литературы: история и современность

Разделение категорий образа автора и героя-рассказчика в позднем творчестве Галека (на примере рассказа «Студент Квох»)

А. И. Дудкина

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Витезслав Галек, чешская литература, автор, рассказчик, герой

Summary. In the following article it was described “Student Kvoch” story that refers to late prose of Czech writer V. Hálek. The aim of investigation was to show how author and narrator categories are revealed in the text of the piece. It was found out that as against his early stories in the late prose author overtly expresses himself through symbols, lyrical digressions, imagery, criticism towards the characters and imperfections of public policy life. There are no lexical and stylistic differentiation between author and characters’ speech any more.

Витезслав Галек (1835–1874) был поэтом, писателем, драматургом, публицистом, литературным и театральным критиком, являлся, несомненно, знаковой фигурой в культурной жизни Чехии XIX века. Он возглавлял национальное литературное движение, стоял во главе всех начинаний эпохи, был инициатором и участвовал в подготовке журналов, являлся членом художественного клуба «Умнелецка беседа» — центра культурной и общественной жизни Чехии.

Особое место в творчестве Галека занимает проза, хотя ей, в отличие от поэзии, никогда не уделялось должного внимания. От раннего периода к позднему происходит эволюция повествовательного стиля писателя, прежде всего это проявилось в четкости разделения позиций автора-повествователя и героя-рассказчика. Проблему соотношения категорий автора и героя-рассказчика мы проследим на примере рассказа «Студент Квох», который явил собою последнее завершённое произведение Галека, написанное в 1874 году. Перед нами история отдельно взятой трагедии маленького человека, поденщика Квоха, не сумевшего реализовать себя в жизни. Когда в разговоре с приехавшим на каникулы студентом семинарии он понимает свою никчемность, осознает бессмысленность дальнейшего существования, то решает уйти из жизни. «В этом рассказе поражает не сюжет, но умение Галека... раскрыть движение души, показать малейшие нюансы человеческого чувствования, перевоплотиться в героя, проследить мучительный процесс утраты им веры в себя, неумения приспособиться к обстоятельствам, побороть гордыню и смириться» [Жакова 1985: 17]. Галерею подобных образов начал Н. В. Гоголь, а в чешской литературе продолжили В. Галек, позднее Я. Неруда в «Малоостранских повестях».

В конце своего творческого пути В. Галек стремился к реализму. В рассказе «Студент Квох» заявляет о себе и о своем противостоянии миру человек, оторванный от коллектива, страдающий от своей посредственности. Писатель подчеркивает типичность своих персонажей, говорит о том, что таких людей можно встретить в каждой чешской деревне, эти люди как никто понимают свое положение, ощущают несправедливое к себе отношение, они пытаются противостоять этому, отстаивая свои честь и достоинство.

Рассказ принципиально отличается тем, что впервые Галек явно делает точкой отсчета личностное сознание, с первого же предложения мы видим монологичное повествование. Перед нами рассказчик, одновременно являющийся героем и очевидцем происходящего. «Я» героя-рассказчика максимально приближено к авторскому «я», что сокращает дистанцию между автором и его персонажем. Автор, однако, оставляет возможность заявить о себе в лирических отступлениях психологического и философского характера.

Писатель по-прежнему далек от бытописательства, стремится к точному и сжатому языку, не перегруженному синтаксическими конструкциями.

Характеристику психологического состояния персонажей, наряду с описанием внешности, дает рассказчик, его мысли подчеркнуты, благодаря частому употреблению личного местоимения «я». Но есть фрагменты в тексте, которые выделяются своей «непринадлежностью» ни к рассказчику, ни к остальным героям. Эти небольшие отрывки можно соотносить с речью повествователя, который является одновременно «всезнающим автором», избирающим позицию наблюдателя, и как будто вместе с героем стремится при-

стальнее взглянуть и вслушаться в то, что совершается на его глазах в окружающем мире.

Надо отметить, что для рассказа «Студент Квох» характерны повторы, как смысловые, так и лексические. Они, несомненно, важны для понимания авторского замысла. Галек в этом рассказе впервые прибегает к подробной портретной характеристике героев, что не было характерным для его прозаического творчества раннего периода. Писатель не случайно дает портрет своего героя, он наглядно демонстрирует, насколько различны внешняя и внутренняя составляющие его личности.

Как и в своих ранних произведениях, В. Галек использует символы, которые всегда расширяют смысловую перспективу произведения, позволяют читателю выстроить цепь ассоциаций, связывающую различные явления жизни. В рассказе «Студент Квох» мы видим наряду с культурно-историческими символами и символы без опоры на культурную традицию.

Последний монолог Квоха, завершает собой все повествование, композиционно все сливается воедино в финале рассказа, круг замыкается, герой понимает, что прошлое зовет его и уже не отпустит. Он говорит: «Вот посмотрите, как все у меня вышло: поступил я учиться, чтобы чего-то достичь в жизни, и вот видите — не добился ничего... ничего мне никогда не удастся сделать, потому что никогда не удавалось. Вы можете смеяться, а я действительно, когда на меня находило, много раз хотел утопиться. Но и это мне не удавалось» [Галек 1985: 445]. С этими словами он ушел, чтобы больше никогда не вернуться.

В завершении рассказа слова автора-повествователя и рассказчика звучат в унисон, автор-повествователь несколько саркастично замечает: «Однокашники приехали, чтобы похоронить Квоха. Крепкая дружба, до гробовой доски. На этот раз Квох простился со всеми окончательно» [Галек 1985: 446].

Рассказ «Студент Квох» очень однороден по своей лексической структуре, в нем мы не встретим того яркого контраста литературного и обиходно-разговорного стилей, как это было в ранних произведениях писателя. Несмотря на то, что В. Галек пытается уравновесить прямую и косвенную речь, в рассказе по-прежнему много диалогов. Не прибегает писатель и к использованию несобственно-прямой речи, в которой обычно и проявляется внутренняя жизнь героя через призму восприятия автора-повествователя, что позволяет максимально приблизить героев, движение их души к читателю. Психологизм и характеристика героя проявляется в речи героя-рассказчика и эпизодических комментариях автора-повествователя.

На пути к реализму В. Галек пытался уйти от близкого ему романтического мироощущения. Если в ранних рассказах, несмотря на то, что Галек описывал простых чешских людей, которых можно встретить в любой деревне, присутствовал лиризм, пафос личной независимости, безграничная свобода индивидуума, то в последнем завершённом им произведении сочувственно правдиво описывается трагедия маленького человека.

Литература

Галек В. Повести и рассказы. Л., 1985.

Жакова Н. К. Витезслав Галек // Галек В. Повести и рассказы. Л., 1985.

Преподавание славянских языков как иностранных: теория и практика

Полонистика в Пекинском университете иностранных языков

О. Н. Зубкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Развитие полонистики в КНР, преподавательский состав кафедры польского языка, учебный процесс, польский научный центр

Summary. The Faculty of Polish language of Beijing Language and Culture University is the only center of Polish studies in China. Students of the faculty are educated in the fields of the language, history and culture of Poland. Special attention is given to scientific activities of students. Professors of the faculty write and publish Polish language textbooks and teaching materials.

Впервые специальность «Польский язык» была открыта в Пекинском университете в 1954 году. В 1956 г. преподавание польского языка стало осуществляться в Пекинском институте русского языка, а с 2007 года — на отделении польского языка Института европейских языков и культур Пекинского университета иностранных языков. В настоящее время Пекинский университет иностранных языков — единственный вуз КНР, в котором функционирует кафедра польского языка. За 55 лет своего существования отделение подготовило более 200 высококвалифицированных специалистов. Выпускники востребованы в системе науки и образования, на государственной службе (МИД, архивы, библиотеки, музеи), в туристических агентствах, в отечественных и иностранных фирмах самого разного профиля. На кафедре работает 1 профессор, 2 доцента, 1 старший преподаватель и 1 носитель языка. Преподаватели кафедры являются авторами учебников по практическому польскому языку и теоретическим курсам. На базе кафедры функционируют курсы польского языка, на которые может записаться любой желающий.

Набор группы осуществляется раз в четыре года. Группы состоят из 24 человек. Студенты изучают польский язык,

слушают лекции по литературе, истории, культуре Польши. На последнем году обучения учащиеся проходят производственную практику в крупных компаниях и государственных учреждениях. В рамках договора о межвузовском сотрудничестве студенты имеют возможность проходить стажировки в вузах Польши. На кафедре особое внимание уделяется научной деятельности. Учащиеся посещают спецсеминары по литературе и лингвистике, в рамках которых готовят самостоятельные исследовательские проекты.

20 декабря 2011 года в Пекинском университете иностранных языков был открыт польский научный центр, в рамках которого будут проводиться исследования, посвященные политической, исторической, культурной, экономической сферам жизни польского общества. На торжественном открытии центра присутствовал президент Польши Бронислав Коморовский.

Кафедра польского языка Пекинского университета иностранных языков — единственное место проведения экзамена государственной экзаменационной комиссии по польскому языку в Китае. Уже 2 группы полонистов имели возможность сдать экзамен на сертификат в 2007 и 2011 гг.

Этнокультурное сознание и межславянские языковые контакты. Проблемы перевода

Использование неопределенно-личных и страдательных конструкций в русских переводных текстах конца XIX–XX вв.

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Синтаксис, стиль, художественный перевод, пассив

Summary. The report is based on a linguistic investigation, aimed to date the anonymous translation concerning its syntax, vocabulary and style. The analysis takes into account both diachronic trends in translating passive and non-isosemic sentences and changing approaches to interpreting the style of the author.

В докладе представлены результаты лингвистического «расследования», поводом к которому стало обсуждение в интернете [<http://www.ljpoisk.ru/archive/3468809.html> Трое 2007] качества перевода романа Д. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», опубликованного в 2007 году. Читатели (нефилологи) отмечали промахи переводчика (имя которого в издании не указано), характеризуя текст как «несуразный», и, главное, не смешной. Они сопоставляли критикуемый текст со «знакомым всем старым переводом Михаила Са-

лье», отмечая различия. В переводе, изданном в 2007 году, в большом количестве встречаем фразы: *Прежде всего послана была в лавку горничная, чтобы купить на 6 пенсов гвоздей / Через полчаса палец был завязан, молоток, гвозди, лестница и табуретка принесены. / Когда гвоздь был найден и подан, оказалось, что дядя Поджер потерял заметку на стене. / Среди споров главное число было забыто, и дядя Поджер снова должен быть мерить стену.* В переводе М. Салье, изданном в 1957 году, им соответствуют неопре-

деленно-личные или двусоставные предложения в действительном залоге: *Он посылает горничную купить гвоздей на б пенсов. Ему перевязывают палец, достают другое стекло и приносят инструменты, стремянку, табуретку и свечу. В пылу ссоры мы забываем первоначальное число, так что дяде Поджеру приходится мерить еще раз.* Читатели с трудом подбирают слова, чтобы определить, почему «новый» перевод нравится им меньше. Лингвист же отметит в нем огромное количество страдательных конструкций, утяжеляющих текст как в синтаксическом, так и в стилистическом плане. В эти построения вплетены книжно-официальные обороты, например: *Вследствие подобных соображений было решено ночевать под открытым небом только в хорошую погоду.*

Детальное исследование стилистики, синтаксиса, лексики, словообразовательных средств, использованных в «новом» переводе, убедительно свидетельствует о том, что он был создан... в начале XX века (приведем лишь один пример из сферы лексики: *Тогда он взял **аршин** и измерил длину стены: оказалось, что ему надо найти половину 21 фута и пяти целых с тремя восьмыми дюйма*). Во время, на волне первой популярности повести Д. К. Джерома, появился целый ряд ее переводов, в том числе и анонимных. В 2007 году текст был просто «перенабран» в современной орфографии.

Обратимся к особенностям синтаксиса анонимного перевода. В книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» В. В. Виноградов отмечает в последней трети XIX века резкое возрастание роли «газетно-публицистического и научно-популярного языка». Особенно интересны зафиксированные Виноградовым нарушения грамматических норм и новые стилистические тенденции в литературном языке. Ссылаясь на статью И. М. Николыча «Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати» (1878 года), Виноградов отмечает «распространение форм причастий страдательного залога настоящего времени, в том числе от глаголов с непереходным значением (например, *ставлю командующую им армию в безвыходное положение, деятельность общества, председателюемого таким-то*). Возрастает количество оборотов, которые Виноградов называет описательными активами и пассивами (типа *подвергнуть наказанию, подвергнуться испытанию*), которые будут позже названы Г. А. Золотовой неизосемическими, ограниченными в стилистическом употреблении [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 109]. «В официально-деловой, научной, публицистической речи, — пишет В. В. Виноградов, — часто было существенно стереть или затушевать оттенок индивидуализирующей, нередко фамильярной изобразительности действия, присущий простой форме того или иного глагола» [Виноградов 1982: 451]. В итоге «развивается своеобразная манера искусственно-книжного, перифрастического, синтаксически запутанного изложения» [Виноградов 1982: 451], которая влияет даже на язык мещанства.

Эту тенденцию на рубеже веков мы обнаруживаем и в художественных переводах (где к тому же велико искушение калькировать конструкции оригинала). Профессиональную критику таких текстов мы находим в «Высоком искусстве» К. И. Чуковского, первый вариант этой книги был написан уже к 1919 году. Многочисленные примеры «насилия над синтаксическим строем русского языка» взяты Чуковским из опубликованных переводов того времени: *Радость, доставляемая мне созерцанием все расширявшегося... пейзажа, — была для меня достаточной наградой... Происшествия, которые я собираюсь изложить, будут сочтены скорее плодом безумного воображения, нежели действительным опытом человеческого разума* (1919 г.) [Чуковский 1964]. Чуковский любил рассказывать историю о сенаторе-графомане, переводившем О. Уайльда и печатавшем свои творения анонимно. Однажды тот принес перевод «Солвья и розы», где была фраза *За неимением красной розы моя жизнь разбита* (Дословно: «For the want of a red rose my life is broken»). Когда К. Чуковский и М. Горький указа-

ли ему на неприемлемость такой фразы в русском переводе, он принес другой вариант: *Ввиду отсутствия красной розы моя жизнь разбита*. История правдива, этот вариант перевода сказки Уайльда действительно существует. Не исключено, что творение именно такого переводчика и было перепечатано издателями Джерома в 2007 году.

Итак, отмеченные современными читателями синтаксические построения, в первую очередь, страдательные конструкции с акциональным значением и неизосемические обороты переполняли низкокачественные художественные переводы сто лет назад, и уже тогда осознавались образованными читателями как стилистически «нагруженные», а чаще просто инородные в художественном повествовании. В середине XX века, в эпоху, по выражению О. Г. Ревзиной, «стагнации официального литературного языка» [Ревзина 2000: 34], сфера использования подобных оборотов расширилась, но росло и неприятие их в культурной среде: о канцелярите в художественном переводе и в речи после К. Чуковского будет писать и Нора Галь, высмеивая фразы типа *производился забор выдыхаемого воздуха*.

В итоге, во второй половине XX века многие произведения оказались представлены на русском языке в двух синтаксических «обличьях»: переводы, избобливающие страдательными конструкциями и неизосемическими оборотами, противостоят вариантам, заменяющим их соответственно на неопределенно-личные и изосемические предложения. Речь в данном случае идет о доминирующей тенденции, на фоне которой воспроизводится (или, наоборот, теряется) индивидуальный стиль переводимого автора. Одну из особенностей юмора Джерома, как известно, составляет стилистическая игра, чередование возвышенно-поэтических фрагментов с разговорно-бытовыми зарисовками, сценками. И использование страдательных оборотов во всех контекстах разрушает авторский прием в глазах читателя. Особая ситуация складывается в случае, когда пассивные конструкции составляют неотъемлемый атрибут стиля переводимого автора, например, Эдгара По. Благодаря синтаксически «облегченным» переводам его произведения стали в России чтением для широкой аудитории, вплоть до подростков, тогда как формально копирующие его манеру тексты предстают остранными, необычными [Уржа 2009].

В работе «О задачах стилистики...» В. В. Виноградов писал: «Нельзя сомневаться, что... каждый носитель того или иного говора производит эстетическую оценку и отбор между возможными выражениями мысли. Трудно отрицать и то, что есть некоторые общие нормы такого отбора для лиц одного говора в данную эпоху. Поэтому можно, вслед за Vossler'ом, говорить об особой ветви стилистики — своего рода „истории лингвистического вкуса“» [Виноградов 1923: 199–200]. Нормы отбора, о которых писал Виноградов, работают не только при «всяком словесном построении», но и при его рецепции. И несмотря на то, что использование средств в художественном переводе обусловлено массой дополнительных факторов, от расхождений языковых и культурных систем до задач воссоздания манеры автора, тем не менее нормы языка перевода, задающие характер читательской рецепции, оказываются фактором судьбы переводного текста.

Литература

- Виноградов. В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982.
- Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923. Ч. I. С. 195–293.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Ревзина О. Г. Этапы развития русского языка в XIX–XX веках // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 2000.
- Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М., 2009.
- Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1964.
- <http://www.ljpoisk.ru/archive/3468809.html> Грое 2007.

Языковая ситуация и языковая политика в странах славянского мира

О судьбе русского языка: стандартные и нестандартные формы существования языка

А. Мустайоки

Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Summary. Big changes in the use of the Russian language are taking place. They concern both standard Russian and its non-standard variants. Changes are caused by turns in people's attitudes and values and by the status of Russian language in the contemporary world. Being the basis for cultural and economic life of society, language(s) should be also a central target of scientific interests of a country.

Любой язык находится в постоянном движении. С точки зрения коммуникативных потребностей говорящих, язык улучшается, или, точнее говоря, лучше приспособляется к нуждам его пользователей. Что касается русского языка, на протяжении последних 20 лет он претерпел изменения, превосходящие по темпу и размаху все предыдущие периоды истории языка. Цель доклада — очертить основные процессы развития русского языка как в стандартной, так и в нестандартной его разновидностях.

Под понятием «стандартный язык» подразумевается тот русский язык, который употребляется в современных официальных сферах, в частности, в массмедиа. Позади те времена, когда норму языка определяли признанные писатели. Таких писателей сейчас просто нет, и к тому же, в духе демократизации современного мира, норма языка не определяется отдельными личностями, а оказывается более множественным проявлением языкового поведения широкой массы носителей языка. В стандартном русском языке произошло и происходит то же самое, что и в других современных языках, но темп изменений более быстрый.

Это, во-первых, предпочтение разговорных и привлекательных элементов языка вместо строгости и соблюдения старых норм письменного официального языка. Во-вторых, почти все языки мира испытывали приток английских заимствований. Русский язык в течение своей истории всегда активно впитывал иностранные элементы, так происходит и сейчас. В России, как и во многих других странах, чрезмерное употребление англицизмов волнует как специалистов в области языка, так и его рядовых пользователей. Люди даже видят в данном процессе опасные для существования русского языка черты. Такой взгляд — сильное преувеличение. Появление несколько сотен новых слов никак не искажает сущность и оригинальность русского языка. Собственно говоря, сам английский язык, угрожающий другим языкам, представляет собой хороший пример данного процесса. Он подвергся на редкость сильному иностранному влиянию со стороны французского и скандинавских языков около тысячи лет тому назад. Это привело к тому, что в современном английском собственноразлично английский язык составляет менее половины. Это не мешает ему быть самым мощным в истории человечества международным языком.

В развитии стандартного языка иногда отмечаются любопытные стихийные тенденции. Согласно Закону о русском языке, правительство взяло на себя роль главного судьи по вопросам языковой нормы. Оказалось, на практическом уровне рекомендации не имеют существенного значения. Одной из рекомендаций от сентября 2009 года было разрешение писать, кроме *черный кофе*, еще и *черное кофе*, то есть открыли разговорному варианту дверь в официальное употребление. Несмотря на это, большинство журналов и газет все еще предпочитает старую норму. Парадоксально, что разговорная морфосинтаксическая форма не принима-

ется массмедиа, хотя медийные тексты изобилуют разговорными и сленговыми лексическими элементами.

Интересные процессы и тенденции имеют место и в нестандартном русском языке. Внутри России активно развиваются новые типы употребления языка, особенно язык чатов, форумов и других разновидностей интернет-языка, а также язык смс-сообщений. Культивируются искусственные юмористические ломаные языки типа «падонкафкско-го», или «олбанского».

Большие изменения произошли в контингенте носителей русского языка. Все большее количество русских живет за пределами России. Лингвисты спорят о том, можно ли уже говорить о разных вариантах русского языка на основе того, что русские в Алма-Ате (Алматы), Нью-Йорке и Хельсинки не говорят точно так, как москвичи. То, что они говорят иначе, — это факт, но дает ли это повод говорить о вариантах русского языка, скорее, вопрос академический. По-прежнему существуют и изолированно проживающие носители русского языка, речь которых сильнее отличается от современного российского стандарта. Иногда такие языки развиваются в противоположных направлениях. Русский язык, на котором говорят русские на Аляске, испытывал весьма сильное влияние со стороны английского языка, в то время как язык староверов, живущих в Бразилии, Орегоне, Румынии, сохраняет сугубо архаические свойства и напоминает русский язык, который был стандартом несколько веков тому назад.

Как и раньше, на русском языке говорят и неносители языка. Существуют в мире такие уголки, где русский язык употребляется в качестве лингва франка (языка-посредника) среди носителей других языков. Это, например, Дагестан, где самих носителей русского языка мало, но это не мешает русскому языку быть средством коммуникации среди носителей разных местных языков. Русский язык слышен и на стройках многих стран, когда, скажем, украинский и латвийский гастарбайтеры общаются на нем. Русский как лингва франка — это особая форма языка, которая должна быть изучена. По сравнению с малым числом работ по этой теме, можно отметить, что существуют уже сотни исследований по теме *English as a lingua franca*.

Смешанный белорусско-русский язык *трасянка* и соответствующий украинско-русский *суржик* по-прежнему активно употребляются. Наличествуют и недавно образовавшиеся пиджины, основывающиеся на русском языке. Исследователи зарегистрировали и описали новый русско-китайский и русско-финский пиджины. В обоих случаях стимулом для создания общего языка послужили потребности в сфере бизнеса.

Как видно из приведенных примеров, в существовании современного русского языка имеют место активные процессы, вызывающие любопытство. Это — вызов лингвистам и тем, кто финансирует лингвистические исследования.

Построение мультикультурного пространства и языковая политика: русский язык — проблемы и решения

Л. А. Чижова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Язык титульной нации, мультикультурное общество, конфликт культур.

Summary. Some features of Russian language's Using, disturbing in our modern society, are analyzed and ways of saved cultural heritage are suggested for Russian language in process of democratic state's construction.

1. Введение. Традиционно, дискутируя вопросы языковой политики, мы обсуждаем проблемы необходимости сохранения и поддержки языков малочисленных народов в многонациональных государствах. При всем уважении к позициям участников подобных дискуссий и безусловном признании важности вопроса в условиях развития демократии в современном мире, в том числе — в сфере функционирования языков, внимание автора привлекает актуальность защиты языка титульной нации в Российской Федерации — языка русского народа.

Оснований для опасения за судьбу русского языка в условиях экономической интеграции, развития демократии на постсоветском пространстве — достаточно. Во-первых, в серии работ известный американский политолог Сэмюэл Хантингтон (Samuel Phillips Huntington, 1927–2008 — см. [Huntington 1996]; [Huntington 2004]; [Хантингтон 2004]; [Хантингтон 2003]) предвещал в будущем обострение социальных, политических конфликтов на границах цивилизаций. Наиболее опасными, по мнению Хантингтона, будут те территории, на которых совместно проживают представители различных культур, причем в условиях обострения социальных конфликтов, сопровождающих распад одних социально-экономических структур и создание новых, конфликты культур, а следовательно, и конфликты языков, — являются неизбежными. Такой, в частности, является территория постсоветского пространства после распада Советского Союза в конце XX века.

Во-вторых, некоторые события настораживают исследователя в сфере изучения межкультурной коммуникации в условиях современного постиндустриального общества. Так, в октябре 2010 года канцлер ФРГ Ангела Меркель на собрании молодежной организации Христианско-демократического союза в Потсдаме признала безуспешными попытки построения мультикультурной модели общества из-за трудностей адаптации мигрантов из других стран в обществе Германии, что объясняется, в том числе, сложностью реализации принципов языковой демократии, с одной стороны, и требованием сохранения культурных традиций титульной нации — с другой (слова А. Меркель: «Те, кто хочет стать частью нашего общества, должны не только соблюдать наши законы, но и говорить на нашем языке» — см.: <http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel>). О необходимости «языковой аккомодации» для мигрантов говорил в сентябре 2010 года председатель нижней палаты Государственной Думы Борис Грызлов: на повестке дня стоит вопрос о принятии закона для мигрантов «об обязательности русского языка для того чтобы, въезжая в Россию, получать право на работу» (см.: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/09/10/zakonotvorcheskaya-deyatelnost-v-rossii/gryzlov-predlozhit-obyazat-migrantov-uch> — по-видимому, закон об обязательности знания русского языка для мигрантов).

2. Озабоченность состоянием языка титульной нации — русского языка.

2.1. Утрачиваются традиции эпистолярной культуры из-за внедрения в межличностные формы общения новых технологий, снижается значимость печатного слова. В настоящее время развитие средств массовой информации, систем телекоммуникаций, электроники, их влияние на институт Слова очевидны для всех, меняется место печатного слова, по существу возникает новая ситуация, в которой слову определена иная роль по сравнению с предшествующей эпохой.

2.2. В актах коммуникации не развиваются диалогические формы общения, несмотря на декларацию приверженности демократическим нормам, общение во всех видах диалога (в поле обыденности, СМИ и др. сферах) базируется на неуважении к чужому мнению, проявляется стратегия неприятия Другого. Семья и школа не прививают демократических норм в общении в молодежной среде.

2.3. Разрушены обычные сферы функционирования русского языка: в частности, документная система не отражает изменений в связи с переходом в новые экономические условия, характеризуется несформированностью норм речевого этикета (см. об этом: [Рождественский 1996]).

2.4. Устная и письменная речь теряет стремление к эталону литературной нормы из-за развала старой этической системы, в связи с декларацией вульгарно понимаемого плюрализма мнений. Отсутствует языковая цензурная политика.

2.5. В результате распада Советского Союза в странах ближнего зарубежья сокращается в человеческом, в политическом, социокультурном масштабе поле функционирования русского языка.

3. Что делать?

3.1. Нужно перестроить языковое воспитание так, чтобы человек владел всеми видами языковой деятельности достаточно глубоко и умел изобретать мысль и отвечать за смысл своей речи — владеть речевой этикой в соответствии с ментальными установками, являющимися базовыми в русской православной культуре.

3.2. Необходимо бороться за соблюдением норм русского литературного языка. По всей видимости, следует сменить «наблюдательную» позицию филолога на активную: создание циклов передач о русском языке для различной аудитории (типа «Радионяни»); создание языковых словарей и др. (пример Тайваня — обязательный экзамен по китайскому языку для государственных служащих).

3.3. Необходимо разработать современную документную систему, отвечающую действительным потребностям рыночной экономики, способствовать искоренению «словесной нечистоплотности», дабы слово и дело совпали в правовом поле общественной практики.

3.4. Нужно поддерживать поле использования русского языка на территории постсоветского пространства не только в ученом, но и в конкретно юридическом смысле.

3.5. Необходимо создать такие условия в обществе, чтобы публичные ораторы, особенно действующие политики, использовали русский язык в соответствии с требованиями языковой литературной нормы и этическими рамками великой русской культуры.

3.6. Полезно пропагандировать в школе, в средствах массовой информации, по радио, на телевидении, в Интернет эстетически совершенные литературные произведения, формирующие у наших сограждан представления об этическом и эстетическом идеалах, выработанных русской культурой.

Литература

- Рождественский Ю. В.* Хорош ли русский язык? // Литературная газета. 1996. № 36 [http://teneta.rinet.ru/rus/ju/jurij_ rozhde-khorosh_li.htm].
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
- Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.
- Huntington S.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York, 2004.